

АВТО
БИОГРАФИЯ

Алексей Рыбников

Коридор для слонов

«Звезда и Смерть Хоакина Мурьеты»

«Юнона и Авось» «Литургия оглашенных»

«Война и мир»

Биографии великих. Неожиданный ракурс (Эксмо)

Алексей Рыбников

Коридор для слонов

«ЭКСМО»

УДК 78.071.1(470)

ББК 85.313(2)-8

Рыбников А. Л.

Коридор для слонов / А. Л. Рыбников — «Эксмо»,
— (Биографии великих. Неожиданный ракурс (Эксмо))

ISBN 978-5-04-201590-8

Алексей Рыбников — один из самых выдающихся композиторов современности. Он написал музыку более чем к сотне фильмам. Поставленная в 1976 году в легендарном «Ленкоме» рок-опера «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты» произвела настоящий фурор, а бесподобная «Юнона и Авось» по-прежнему гремит со сцены с неугасающей надрывной страстью и любовью.

Книга воспоминаний, написанная самим Алексеем Рыбниковым, наполнена той же бунтарской молодостью, азартом и энергией, что и его замечательная музыка. Поклонники композитора откроют для себя малоизвестные, удивительные, подчас невероятные страницы из его жизни. Здесь маэстро подает себя с неожиданной стороны, представляя читателям неординарную личность бойца с несгибаемой волей и твердыми убеждениями, бросившего рискованный вызов тягостному мраку людских пороков... В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 78.071.1(470)

ББК 85.313(2)-8

ISBN 978-5-04-201590-8

© Рыбников А. Л.

© Эксмо

Содержание

От автора	6
Коридор для слонов	8
Глава 1	8
Я ввязываюсь в подозрительную историю	8
Как все начиналось	10
Крещение. Боевое...	13
На грани смерти	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Алексей Рыбников

Коридор для слонов

Фотография на обложке ООО «Современная опера»

В книге использованы фотографии:

Валерия Плотникова, Александра Стернина, Е. Стоналова / РИА Новости.

© Рыбников А. Л., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

От автора

- Что-нибудь выпить, сэр?
- Да. Может быть... Двойной виски.
- Какой именно виски?
- Нет. Принесите лучше джину с тоником. Какой джин у вас есть?
- «Бифитер», «Гордонс», «Сапфир» и...
- «Бифитер», конечно. Только лед и тоник отдельно и побольше лимона.
- Конечно, сэр.
- Спасибо, Эдвард.

Эдвардом себя называл Удейя Паранавитхана. А сэром был я.

Разговор происходил в баре отеля в местечке Сигирия, одном из красивейших мест в самом центре острова Шри-Ланка. Отель расположен прямо посреди джунглей с потрясающим видом на горы.

Обходительность, предупредительность, заботливость, дружелюбность и в то же время чувство дистанции, не допускающей ни малейшей фамильярности – во всем чувствовалась школа поведения персонала, доставшаяся в наследство от колониальных времен. Отель назывался «Коридор для слонов».

Я вырвался сюда, чтобы наконец дописать мои воспоминания, которые по джентльменскому соглашению с издательством должен был закончить еще месяц назад. Но в голову ничего путного пока не приходило. Хотелось просто смотреть на горы, попить нечто шипучее со льдом и вообще ни о чем не думать. Уж в кои веки за последние несколько лет я мог себе это позволить. Но ни о чем не думать не получалось. Ну, взять хотя бы название этой самой гостиницы: «Коридор для слонов».

Дались мне эти слоны! Когда учился на втором курсе консерватории, написал пьесу для контрабаса и ударных «Кошмар белого слона» по картине Анри Матисса. На этой картине был изображен слон, стоящий на задних ногах в цирке в свете софитов, а дрессировщик, взмахнув кнутом, был готов его ударить. Вокруг арены были не зрители, а родные слону джунгли, его несбыточная мечта и наваждение.

Конечно же, это произведение символизировало свободную душу художника, заключенную в чудовищные тиски тоталитарного кошмара. Это произведение я репетировал с моими друзьями-сокурсниками, но ноты куда-то пропали, и произведение так ни разу и не было исполнено.

А теперь вот «Коридор для слонов». Странное название для гостиницы. Так и видишь этих чудных благородных животных, бредущих по какому-то длинному и узкому для них коридору. Они, рожденные для того, чтобы свободно пастись в своих саваннах и джунглях, жить в мире и любви, вынуждены толкаться, мешать друг другу. Раздражать друг друга. Злиться и в конце концов начинать ненавидеть друг друга. Казалось, убери коридор, и вот она – свобода, вот счастье!

Но правила игры таковы, что коридор становится то шире, то уже, но не исчезает никогда. Да если честно, то и боятся слоны без коридора. Привыкли.

Наша жизнь, конечно, отличается от этой печальной картины. Мы любим, мы свободно творим, мы бываем безоглядно счастливы. Мы верим в то, что и нас тоже любят, ценят. Но... Если присмотреться повнимательнее...

Если задуматься...

Если попытаться проанализировать...

Ох! Лучше не надо...

Как-то спокойнее, да и безопаснее считать, что «Коридор для слонов» – это только красивое название отеля в самом центре Шри-Ланки, где я сижу в большой комнате с видом на горы и джунгли и дописываю последние две главы этой книги. Вернее, сборника. Начинается он с повести «Коридор для слонов». Это мои воспоминания о 80-х и 90-х годах. Рассказ «Аличка, Лева и Алеша» – о моих родителях и немного о детстве. А «Покаянные псалмы» – это маленькое повествование о духовных искушениях молодого монаха в VII веке от Р.Х. Конечно, ко мне, как к современному человеку, рассказ никакого отношения не имеет. Хотя, с другой стороны... Разве с тех далеких времен так уж много изменилось?

* * *

Я родился в год Петуха. Вот что говорит об этом знаке китайский гороскоп: «Жизнь любого Петуха напоминает американские горки: на его долю выпадает столько взлетов и падений, сколько мало кому удастся пережить. Остается только удивляться тому, что Петух находит в себе силы взлетать снова и снова, даже будучи почти ошипанным. У Петуха просто открывается второе дыхание, когда он понимает, что вот-вот окажется в супе».

Коридор для слонов

Глава 1

Страсти вокруг «Авось»

Я ввязываюсь в подозрительную историю

– В Ленкоме это ставить никогда не будут. Они что, самоубийцы? Ну, даже если и захотят, кто это пропустит?

– Но мы же вроде договорились...

– Когда было прослушивание на труппе всего целиком?

– Год назад.

– А что Захаров? Ну, вы же приходите в театр на «Звезду». Как-то, наверное, с ним встречаетесь, разговариваете, и что, за целый год он ничего не сказал?

– Да вроде нет.

Он пожал плечами и хмыкнул. Потом начал говорить, что «Авось» никто никогда не услышит, кроме жены и друзей, что мне ничего другого не остается, как дать послушать фонограмму, пусть незаконченную, корреспондентам иностранных газет, чтобы они раззвонили везде, что такое произведение существует.

Говорил он быстро, высоким голосом и короткими фразами. От него исходило какое-то нервное беспокойство, почти взвинченность. Глаза, уменьшенные линзами очков, смотрели прямо на вас, но при этом взгляд не фокусировался и был совершенно отвлеченным. Вся его манера двигаться, располагать себя в кресле, закидывать ногу на ногу, преувеличенно жестикулировать – все было какое-то не наше, не советское. Слишком самоуверенное, что ли. Но несмотря на это, уважительного отношения он к себе не вызывал, и все за глаза называли его не Слава, а Славка. Славка Носырев.

Его привел в наш дом Валя Рубин, брат моей жены Тани. Валя был поэт, признанный в очень узких поэтических кругах. Стихи его мне очень нравились, но они безнадежно не лезли ни в какие рамки советской идеологии, а потому были обречены на вечное рукописное существование. Меня Валя считал успешным, благополучным, сумевшим найти некий алгоритм взаимоотношений с властью, но при этом совершенно бескомпромиссным в творчестве. Примером была, конечно, «Звезда и смерть Хоакина Мурьеты».

При всех проклятиях штатных музыковедов и критиков, обслуживавших идеологический официоз, – одним из них был небезызвестный враг рок-музыки Медведев – моя рок-опера шла на сцене Ленкома с бешеным успехом. В хит-парадах «Московского комсомольца» она обгоняла западные пластинки.

И вот, когда Валя, относившийся ко мне как к человеку, у которого все всегда получается, прослушал отрывки из записи «Авось», он понял, что мы с Таней сотворили нечто такое, что сделает нахождение компромисса с властью невозможным. Криминалом были не стихи гениального Андрея Вознесенского, автора либретто нашей оперы, а православные тексты, на которые я написал новую музыку. Их можно было назвать симфо-роковыми церковными молитвами.

В то время все, что касалось церковной музыки в театре, кино и средствах массовой информации, было под строжайшим запретом, как сейчас в Корее, где за это могут расстрелять. Только в экранизациях классики, как необходимый антураж, и очень коротко! Шнитке,

написавшего церковную музыку для фильма «Восхождение», заставили вымарать текст. В фильме звучали только бессловесные, правда, очень красивые хоры.

А тут открытым текстом! Да еще в сочетании со стихами Андрея: «Российская империя тюрьма», «Мы в одиночку к истине бредем», «Свободы нет ни здесь, ни там». А кульминацией первого акта была вообще... ария Богородицы!

Мы и сами, понимая, что наша ситуация безнадежна, а единственная надежда на Ленком оказалась призрачным миражом, уже поддались унынию и даже отчаянию. И тут Валя решил действовать. На поэтических полудиссидентских вечерах он встречал Славку Носырева. О нем ходили разные слухи, но, главное, у него были контакты с западными корреспондентами. Они подпитывали непризнанную поэтическую братию надеждами на зарубежную славу, а заодно снабжали свои издания информацией о существовании в СССР того, что мы сейчас называем оппозицией. Он рассказал Славке об «Авось», тот сразу же заинтересовался.

И вот этот субъект совершенно новой, неизвестной для меня породы сидит в кресле напротив меня и сулит мне ту самую зарубежную славу:

– Алексей, надо, чтобы в мире узнали, что в совдепии пишут не только партийные гимны и песни «разлейся», «залейся», а есть и то, что делаете вы. Да и нашим тоже надо показать, кто вы на самом деле. Ведь официально вас считают автором детских песенок, каким-то кинокомпозитором, а про рок-оперу я вообще не говорю. Это что-то для нечесаных хиппи в подвале. А тут такая потрясающая церковная музыка, арии, симфонический оркестр. Это точно не должно пропасть!

Он продолжал говорить, а настороженность, возникшая с первых минут нашей встречи, меня не оставляла. Что это? Божье провидение или дьявольская западня? То, что Славка не посланец от Бога, было абсолютно точно, а вот... Ну да! Он здорово смахивал на Коровьева или еще кого-то из свиты Воланда.

В тот вечер я ни на что не решился. Мне было тридцать пять, я к этому времени успел кое-чего добиться. У меня была семья, где все друг друга любили: жена Таня, дочка Анечка тринадцати лет, четырехлетний сын Митька.

Перед своими друзьями и соавторами я хвастался четырехкомнатной квартирой на одиннадцатом этаже дома на Смоленской набережной с потрясающим видом на Москву-реку и гостиницу «Украина». Предметом гордости была и антикварная мебель, в особенности трофейный столовый гарнитур, вывезенный, как говорили, с одной из дач Геринга, попавший сначала к члену политбюро Пономареву, а потом – в комиссионку на Смоленской, где я его и купил. Был и приличный по тем временам заработок от музыки в кино.

И вот на одной чаше весов лежало это относительное благополучие, спокойная жизнь, которая подверглась бы смертельному риску, если бы я поддался на уговоры этого посланца из преисподней. Но на другой-то чаше весов был «Авось»! И «Авось» перевесил! Когда Носырев позвонил и сказал, что хочет прийти ко мне с гостем, не раскрывая по телефону его имени, я понял, о чем идет речь, и согласился.

Мы жили одни на лестничной площадке, этаж был последний. Если лифт начинал движение после десятого этажа, то это точно к нам. Лифт был старый и громкий, и хорошо были слышны железный лязг, гудение мотора, посвистывание тросов.

В тот вечер мы с Таней услышали эти скрежещущие звуки где-то в глубине шахты и не знали, на какой этаж движется лифт. Но нам как-то сразу стало понятно – это наши гости!

Спаниель Бенджик был немедленно изолирован от общества в комнате тещи. Не все любили, когда их облизывают, оставляя кудряшки шерсти на одежде. А я вообще ненавидел, когда во время прослушивания в самый драматичный момент входит пес и начинает проявлять собачью любовь к гостям, напрочь губя все художественное впечатление. А предстояло именно прослушивание. Самое первое для, так сказать, мировой аудитории.

Звонок!

Я открыл дверь, и в прихожую вошли гость и Славка Носырев.

– Здравствуйте, как поживаете? – сразу с порога сказал гость.

Он так и сказал: «Как поживаете?» Буквальный перевод «Хау ду ю ду». Это было немного непривычно, но потом многие американцы, с которыми я встречался, именно так и здоровались.

Носырев представил его:

– Том Кент, «Ассошиэйтед Пресс», московский корреспондент.

Звучало это очень серьезно, и сам Том был очень серьезным, как будто его только сейчас оторвали от очень важного дела по какому-то пустяку. Этим вот пустяком сразу почувствовал себя я.

Славка с ним обращался то подобострастно, то фамильярно, один раз даже потрещал по щеке двумя пальцами. Жест, совершенно не принятый в России. Мне от этого стало даже весело, но ненадолго.

После окончания прослушивания Славка спросил Тома:

– Ну, как? Правда, потрясающе? Тебе нравится?

Ответ был, как приговор:

– Мне нравится музыка композиторов, которые давно умерли.

Вот так так! Значит, ему «Авось» не понравился, последствий в виде мировой известности оперы не предвидится, и вся моя решимость броситься в омут диссидентства была смешным пшиком. Много позже я узнал, что профессия журналиста, в ее западном понимании, обязывает его быть беспристрастным, холодным, объективным, не окрашивать информацию своими эмоциями. В этом смысле он дал идеальный ответ. Но тогда я этого не понял, сразу же смирился с тем, что продолжения не будет, и первая попытка прорваться с «Авось» окончилась полным крахом. Однако я ошибался. Продолжение последовало, причем очень бурное.

Через несколько дней я познакомился с Антонио Барбьери из газеты «Сан», потом со знаменитым Сержем Шмеманом, корреспондентом «Нью-Йорк таймс». К нам в гости пришел Клаус Кунце, представлявший в Москве «Вестдойче рунфунк», затем многие другие, чьих имен я не запомнил. Последовали приглашения на домашние «пати» у журналистов, знакомства с дипломатами...

Через пару месяцев все это стало привычным, даже развлекало, несмотря на страх, что вот сейчас вызовут куда надо и спросят: «Чего это вы там, Алексей Львович, делаете? Родину продаете?»

Но никто никого никуда не вызывал, чувство страха притупляли закордонные джинсы с тоником и виски многолетней выдержки, которые в обилии выпивались на вечеринках. В общем, «все хорошо, прекрасная маркиза», только... про «Авось» никто не вспоминал, и задуманный план так и не давал результатов.

Может быть, в этом была рука провидения? Ведь фонограмма-то не была закончена. Если бы все двинулось раньше срока, я не сумел бы завершить запись пластинки. Работа велась уже полтора года в студиях государственной (!) фирмы «Мелодия». Сам по себе факт, что такая крамола записывается официально, был невероятным. Но...

Расскажу, как удалось это сделать.

Как все начиналось

Тогда, полтора года назад, по вполне понятным причинам я не мог прийти на худсовет фирмы «Мелодия» и показать домашнюю запись и клавир «Авось». Меня просто сочли бы сумасшедшим. А записать в то время фонограмму для пластинки в СССР нигде, кроме как в «Мелодии», было невозможно. Только там имелось оборудование, позволявшее сделать запись на современном уровне.

Ясно, что «Мелодию» можно было захватить только партизанскими методами. Нужно было найти в руководстве «Мелодии» сотрудников, которым можно полностью довериться, открыть все карты и получить их согласие на фактически подпольную работу, короче, завербовать.

Ах, надо было знать редакторов тех времен! Договориться с кем-нибудь из них было делом совершенно безнадежным, обреченным на полный провал. Из страха быть заподозренным в симпатиях к оппонентам власти и просто за свою шкуру они беспощадно вымарывали, запрещали, резали, сокращали, в общем, всячески уродовали художественные замыслы несчастных авторов. Впрочем, те безропотно шли на компромиссы и еще дарили редакторам подарки.

Поэтому, когда Евгения Лозинская, молодая особа с копной вьющихся белокурых волос, голубыми глазами и изящной миниатюрной фигуркой, прослушав «Авось» в моем исполнении, где я пел все роли, сказала, что я гений, что произведение потрясающее и что она сделает все, чтобы оно увидело свет, я был на седьмом небе от счастья. Не потому, что меня похвалили, а потому, что Женя была редактором «Мелодии». Правда, не музыкальным, а литературным, но именно это обстоятельство и стало тем самым золотым ключиком, благодаря которому открылись заветные двери фирмы «Мелодия». За ее образом классической блондинки скрывались глубокий творческий ум, железная воля и способность совершать самые рискованные поступки.

– Алеша, ведь поэма «Авось» из книги «Витражных дел мастер» Андрея? – Она имела право его так называть.

Женя редактировала его пластинки, и они были хорошими друзьями.

– Ну, конечно. – Я начал потихоньку соображать, куда она клонит.

– Книга удостоена Госпремии. И одобрения худсовета нам не нужно, а музыка просто будет музыкальным сопровождением к поэме. Это пройдет через мою редакцию. А в конце, когда представим на худсовет готовую запись, уже никто ничего сделать не сможет.

Я понимал, что с записью-то сделать никто ничего не сможет, а вот с Женей?!

Но она была непреклонна.

– Мы сделаем это.

Мы с Таней поняли, что уже не вдвоем с нашим «Авось». Это была уже команда.

К нам очень скоро присоединился и Степан Богданов, один из начальников звукоцеха «Мелодии», который стал главным звукорежиссером альбома. Пожалуй, из всех нас он был самый осознанно антисоветски настроенный член нашей группы, постоянно прятавший свой ироничный скептический взгляд за типично технарскими очками.

Именно он организовывал нам нелегальные смены записи по ночам и в выходные, которые были категорически запрещены потому, что «Мелодия» ко всему была еще и режимным предприятием. В рамки времени, отпущенного по нормам, мы, конечно, не укладывались, и приходилось действовать совершенно подпольным образом.

Вот как это происходило.

– Василич, ты чего сегодня дежуришь? Вроде не твоя смена?

– Да наш Анатолий Сергеевич приболел.

– Это как? Перебрал, что ли, вчера?

– Да вроде того.

– Ну, чтоб тебе не скучно было, вот! Только смотри, чтоб никто ничего!..

– Ну, это уж, Степан Дмитрич, не беспокойтесь.

После этого незамысловатого диалога вахтер получал от Степы Богданова свою заветную бутылочку. В результате он «не замечал», как в здание студии совершенно незаконно проникали явно подозрительные личности. Это были Геннадий Трофимов, Жанна Рождественская, Феликс Иванов, моя жена Таня и я.

Все основные вокальные трэки мы записывали именно таким составом.

Если вахтер был неподкупным, нам приходилось перелезть через забор и прятаться в аппаратных студии, пока он совершал обход. Но, несмотря на это, а может быть, и благодаря этому, работа шла азартно, весело, а ночные ужины в перерывах между записями стали почти традицией.

Геннадий Трофимов и Жанна Рождественская – талантливейшие вокалисты, родившиеся не в то время и не в той стране. Сделать карьеру в большом шоу-бизнесе в СССР – а он там был, и еще какой! – можно было только будучи показательно лояльным к власти. Но и этого оказывалось мало.

Надо было находиться «под крышей» одного из могущественных патронов советской эстрады. Если кто-то не соглашался попасть в полную зависимость от них, а вместо этого показывал свой характер, да еще обладал настоящим талантом, то таких просто стирали в порошок, не оставляя никакой надежды.

Чтобы не умереть с голоду и продолжать петь, путь был один – в ресторан или, как его называли все музыканты, в кабак. Примеров тому немало.

Гена и Жанна были именно такими талантливыми и независимыми. Неизвестно, чем бы закончилась их творческая карьера, толком и не начавшаяся, если бы мы не встретились. У меня появились уникальные исполнители главных партий в моих операх, *а они избавились от перспективы окончить свою карьеру ресторанным репертуаром.*

Режиссером пластинки и исполнителем некоторых партий был Феликс Иванов. Он поразила меня тем, что в его лексиконе присутствовали такие неведомые советскому человеку слова, как «эзотерика», «суфии», «Гурджиев», «логос», «герметизм», словосочетания «Ом мани падме хум» и другие. Он мог часами рассказывать о скрытом смысле актерского искусства, о священных танцах, о вокале как инструменте подключения человека к высшим мирам.

В финале пластинки именно он записал фрагмент с горловым пением, которым, кроме якутов и бурятов, никто не владеет. А у него получалось. Он играл на многих музыкальных инструментах, сам изобретал новые и блестяще владел всеми приемами сценического движения.

Сейчас Феликс – профессор одного из университетов в США. А тогда он, естественно, не вписывался в советскую систему и жил довольно замкнуто, очень избранно общался с людьми.

Именно этот очень-очень непростой талантливый человек и стал первым режиссером «Авось».

Все. Наконец-то! Больше чем годовой марафон закончен. Две картонные коробки с магнитной лентой, лежащие на звукорежиссерском пульте главной аппаратной «Мелодии», теперь и есть мой «Авось».

Все вместе обсуждаем, что делать дальше. Ясно, что худсовета не миновать. Запись никуда не пропустят, придумают, как испортить судьбу Жене. Да и я точно попаду в черные списки, и путь в мое светлое творческое будущее будет закрыт. Возможно, навсегда. И, что совсем непереносимо, никто никогда не узнает о существовании «Авось» и не услышит оперы.

А что же мои хваленые западные корреспонденты?

Кроме рукопожатий, похлопываний по плечу и «Хэллоу, Алэкси, хау ар ю», абсолютно ничего. Да, похоже, буржуазная общественность оказалась не той лошадкой, на которую надо было ставить.

Приношу домой копии записи, сделанные тайно. Что ж, попытаюсь распространять «Авось» на кассетах через тех же Валу и Славку. А что? Самиздат же существует!

Может, хоть кто-то услышит?..

Ни о чем не могу думать, все противно. И новая работа в кино, и журналистки, которым надо рассказывать, как я сочиняю мелодии, и приглашения на творческие встречи.

Потянулись длинные тоскливые ноябрьские вечера. Худсовет должен пройти до конца года. Для раздумий оставалось не больше месяца. Казалось, сделать что-либо для спасения «Авось» уже невозможно.

И вот в один из таких вечеров сидим на кухне с Таней и Валею, пьем коньяк. Но легче не становится, только голова тяжелеет. И тут Валя так осторожно говорит, что к нему обратились с просьбой организовать со мной творческую встречу.

– Валь, ну ты же знаешь!..

Я не продолжаю, и так понятно, что никакой встречи не будет.

Но он все-таки рассказывает о том, что меня пригласили сотрудники филиала музея Рублева. Он находится в церкви Покрова в Филях.

– Где-где? В церкви? Они хотят, чтобы я в церкви показывал им отрывки из фильмов и играл детские песенки? Бред какой-то!

Пока я договаривал последнюю фразу, в голове пронеслось: «Авось»!

А что, если?..

Если устроить прослушивание записи пластинки прямо там, в церкви. Конечно, это будет последнее прослушивание, но если умрем, то с музыкой!

– А сколько человек там может поместиться?

– А можно пригласить своих друзей?

– А можно привезти с собой аппаратуру?

Крещение. Боевое...

На следующее утро Валя позвонил и сказал, что зрителей может быть около ста человек, что я могу приглашать кого угодно и, конечно, привозить с собой любую технику.

В этот же день я договорился о концертном комплекте аппаратуры. Студийный магнитофон обещал достать Степа Богданов. Я хотел, чтобы воспроизведение было самого высокого класса, с профессиональных магнитных лент.

Что еще?

Гости!

Вот тут-то мне и пришло в голову позвать не только друзей, но и моих новых знакомых – западных журналистов. По крайней мере, прослушивание может стать событием, о котором можно будет написать.

Встречу назначили на 10 декабря. Это был День правозащитника, но, честно говоря, мы об этом не думали. Совпадение было случайным, хотя и очень символичным.

Я попросил Славку Носырева пригласить журналистов и сделать это не по телефону. Он пообещал, но потом куда-то исчез. На звонки не отвечал. Как потом выяснилось, не случайно.

Одно дело разговоры да вечеринки, другое – конкретная акция. Штука серьезная, с последствиями.

Всем журналистам я позвонил сам. Открыто и прекрасно понимая, что все разговоры прослушиваются. Это была уже игра ва-банк.

И вот наступил этот день. Он оказался очень холодным, сереньким и неприветливым. Часам к двенадцати в церковь привезли аппаратуру. Распаковали. Начали настраивать. Встреча в четыре. Время есть. Холодно...

– А отопление когда будет?

Мой вопрос повис в воздухе.

Через паузу последовал ответ:

– А отопления нет. Вообще нет.

Все замерли. Мы уже и так продрогли, думали, вот сейчас потеплеет. Да ладно мы. А гости? А журналисты?

– Да вы не волнуйтесь, народ придет, теплее станет.

Мы не выключали усилители, пульт. Сами надыхивали тепло.

С полчетвертого начали приходиться люди. Сначала сотрудники музея. Потом наши гости. Никто не спрашивал, где гардероб. Понятно, что нужно было оставаться в своих шубах и дубленках.

Пришли Гена Хазанов со Златой, Ира Муравьева и Леня Эйдлин, Гарик Бардин с женой Машей, Юра и Марина Энтины, Илья Фрэнз с женой и детьми (как написали потом в отчетах, семейство Фрэнз), мой друг детства Андрей Сорохтин с женой Леной, Арина Полянская, сестра жены Грамматикова, сам Володя Грамматиков, Игорь Ясулович, знаменитый кинооператор Игорь Клебанов.

Все мы тогда по-настоящему дружили, радовались друг другу, взаимно искренне восхищались нашей талантливостью, щедро называли друг друга гениями. Необычность происходящего только взбудораживала всех.

К четверем помещению церкви было заполнено. Я уже почти был готов открыть вечер, но тут началось!

Дело в том, что произошло то, на что я никак не надеялся. Когда звонил журналистам и приглашал их на встречу, я ожидал вежливой благодарности за приглашение и потом отговорки, почему они не смогли прийти. Но они взяли и действительно пришли! И не ретировались, когда стало понятно, что помещение не отапливается и банкета после мероприятия точно не ожидается.

Это были тот самый солидный Том Кент из «Ассошиэтед Пресс», интеллигентнейший Клаус Кунце со своей прекрасной женой, Тони Барбьери, еще человека два или три.

Я не запомнил облика и имени директорши музея, но именно она сыграла самую важную роль в тот вечер. Ей позвонили из отдела КГБ по Киевскому району Москвы и сказали, что наша творческая встреча не должна состояться, пока иностранцы не покинут церковь.

Она была потрясена, никак не ожидала такого подвоха с моей стороны. Женщина почти плакала. Но отступить мне было никак нельзя.

Вдобавок ко всему к зданию церкви подъехали две «Волги» из того самого райотдела КГБ. В каждой машине находилось по пять человек. Я сам это видел, выглянув на улицу.

Что было делать?

– Хорошо, мы отменяем прослушивание. Его вообще не будет.

Сотрудников КГБ это не устроило. Они настаивали на выдворении именно журналистов, причем моими руками.

С моей стороны опять последовало твердое «нет».

Переговоры длились минут двадцать.

Наконец они уехали, и директорша с мертвенным лицом сказала:

– Начинайте.

Я вышел на амвон – думаю, что в условиях нашего советского бытия это не было кощунством – и начал рассказывать историю Резанова и Кончиты, о которой в то время, естественно, никто не знал.

После рассказа 80 минут звучала опера, молитвы, слова Резанова, обращенные к Богородице. Первый раз была исполнена и финальная «Аллилуйя».

Я уже не мог воспринимать то, что пелось и игралось, обращать внимание на то, как реагировали мои слушатели. Я просто был счастлив. Правы были сотрудники музея, когда говорили, что как только в церкви собирается народ, там становится тепло. Даже в самую лютую стужу.

Вот что «Вестдойчерунфунк» сказала устами Клауса Кунце об этом событии:

«В Москве, в русской церкви, построенной в стиле барокко, которая является сегодня частью музея икон, собралась несколько месяцев назад разношерстная толпа посетителей, чтобы присутствовать при своеобразном представлении.

Справа и слева у коколя алтаря – огромные громкоговорители стереоаппаратуры, в центре – столик с магнитофоном и управляющим устройством, у которого композитор Алексей Рыбников представляет свое новое сочинение «Авось». Рыбников, человек 30 лет, сказал вначале несколько слов о своем произведении и его тексте, а затем собравшиеся здесь сто человек полтора часа слушали музыку в зимнем неотапливаемом помещении, не снимая теплых пальто.

Атмосфера в церкви напоминала культурные программы в Германии послевоенного времени. Почему церковь выбрана местом представления, почему здесь собралась эта маленькая любительская община? Рыбников создал в жанре «рок-оперы» столь необычное произведение, какое для Москвы, а может быть, и для всего Советского Союза нетипично. То, что произошло в этот вечер, привело в движение серую зону советской культурной жизни...

Встречающиеся в тексте молитвы, священная музыка, то очень громкая, то очень тихая – здесь, в музейном помещении или, вернее сказать, в церкви, была на своем месте. Как современное художественное средство раздвинула она границы музыкально-бюрократической ограниченности. Музыка говорит больше, чем описание композиторской одаренности Рыбникова, его фантазии в использовании современных достижений, его экспрессии. Жаль, что произведение это не стало достоянием общества».

А на худсовете фирмы «Мелодия» нашу запись зарубили и навечно, как тогда говорили, положили на полку. Но если бы ее даже размагнитили, проще говоря, уничтожили после того вечера, жизнь «Авось» уже началась.

На грани смерти

Однако настоящие испытания были впереди.

Наступили два месяца безвременья. Все, что можно было сделать, это устроить несколько прослушиваний, в том числе в Союзе композиторов. Но это ничего не дало. Я ожидал реакции со стороны органов, но и ее не было.

Я был полностью опустошен. Да пропади оно все пропадом! Даже мысль о том, что надо что-то делать, вызывала у меня раздражение. Попытки что-то сочинить заканчивались тем, что я колотил кулаками по клавишам, вызывая ужас Тани и детей. Не мог ни с кем общаться.

Поездка в феврале в Армению, в Дом творчества композиторов «Дилижан», не отвлекла, не помогла. Скорее наоборот. Вскоре после приезда я заболел. Сначала показалось, ничего серьезного. Просто плохо себя чувствовал. Потом мне стало тяжело вставать, ходить, я больше лежал.

В один из дней к нам случайно зашел знакомый врач. Посмотрев мне в лицо, он спросил, почему у меня желтые белки глаз. Я ему рассказал о своем самочувствии.

– И что, такая слабость, что не можешь встать и ходить?

А я, даже отвечая ему, чувствовал, что терял силы.

Были сделаны анализы, которые показали, что у меня желтуха, болезнь Боткина, причем в тяжелой форме. Скоро кожа у меня начала становиться желтой, а потом – коричневой. Белки стали не желтыми, а просто зелеными.

Почти сразу заболели Таня, Митя и Аня. Но в гораздо более легкой форме.

Обязательно надо было в больницу.

Тут очень помог Гена Хазанов. Он устроил меня и Таню в Боткинскую больницу на совершенно исключительных условиях. У меня был отдельный бокс на первом этаже со всеми удобствами и своим выходом в сад. Правда, это мне было не очень нужно. Я почти не мог ходить. А Таня была прямо надо мной, на втором этаже.

Врачи сначала думали, что это была инфекционная желтуха. Но они не нашли у меня никаких вирусов – ни «А», ни «В», ни «С» – и решили, что это что-то злокачественное. Но почему тогда заболели другие? В общем, полная загадка.

Мне ставили капельницы, давали кучу таблеток. Сначала я их принимал, а потом, когда почувствовал, что мне от них хуже, перестал, прятал их в тумбочку или просто выкидывал.

А время шло. Миновала неделя, за ней и вторая. Я похудел на пять кило, и лучше мне никак не становилось.

К нам домой на Смоленскую набережную заходил Вознесенский. Он взял кассету с записью и увез во Францию кому-то показывать. Потом я узнал, что Пьеру Кардену. Валя делал копии на кассетнике и раздавал друзьям. Передали запись и в Ленком.

Потом Геннадий Трофимов, навестивший меня, сказал, что Марк Захаров начал ставить «Авось». Но мне было тогда совсем не до этого.

Прошло еще две недели. Я похудел уже на десять килограммов, и ничего не менялось.

Начался апрель. Долгие-долгие ночи в больнице. Я не спал ни одну. Мне казалось, что от моих мыслей в потолке будет дырка. Как там Таня, Аня, Митя?

Таня писала, что ей лучше, она чувствует себя почти хорошо, но я ей не верил. Аня была в другой больнице. Я знал, что ее тоже не выпускают и состояние ее не меняется. У Мити все было не так тяжело. Он был дома с бабушкой.

Неужели мы не выберемся?

Ночами все чувства обострились. Я слышал лай и завывания стаи собак с Ваганьковского кладбища, которое было недалеко. Позже, когда я приходил туда на могилу к бабушке, я смотрел на них, стараясь не встречаться с их тяжелыми характерными взглядами. Что ж вы меня так пугали? А ведь именно это ощущение преддверия смерти, жутковатое и затягивающее, мне и надо было передать потом, когда я писал сцену схождения в ад моего героя в «Литургии оглашенных».

Ночами слышалось и другое. Гудение трансформаторной будки, сквозь которое можно было разобрать какое-то бормотание. Стоны больной женщины со второго этажа. Потом хриплый мат-перемат мужика, который буквально вопил часами без перерыва. Я до тех пор не знал, что белая горячка «звучит» именно так.

Как-то в своем письме со второго этажа Таня описала сцену, от которой меня и сейчас бросает в дрожь. У них в палате у одной из женщин началась агония. Чтобы «психически не травмировать» (!) других больных, санитарки сначала переложили ее на пол прямо на матрасе, а потом на нем же, еще живую, поволокли куда-то по длинному коридору (куда?!).

Прошло еще две недели. Уже середина апреля. Я похудел в общей сложности на двадцать килограммов и весил теперь 69 вместо моих обычных 89 при росте 187 см.

И снова ночь. Мрачные и беспокойные мысли надоели.

Пытаюсь сосредоточиться на чем-то хорошем. Не получается. Провал. Пустота.

И вдруг непрошенные, незванные, невесть откуда взявшиеся воспоминания... нет! Скорее даже ощущения детства. Начало пятидесятых, Дубовка. Это под Сталинградом.

Все начиналось с запаха. Солнце попадало через окна на два пролета деревянной лестницы и нагревало ступени так, что в небольшом пространстве лестничной клетки постоянно стоял аромат теплого дерева.

Еще были звуки. Две-три мухи перелетали, лениво жужжа, с места на место. На первом этаже был курятник. Куры поквохтывали и шуршали, выскивая свой корм.

И эти звуки, и аромат были какими-то родными, успокаивающими, располагали к полному безделью и бездумному созерцанию. Я часто сидел на этих ступенях именно из-за этого ощущения, любил закрывать глаза и подставлять лицо солнцу.

Тогда перед глазами появлялись темно-красные и черные круги и фигуры, которые причудливо двигались и изменялись. Откроешь глаза и сначала ничего не видишь, а потом... видишь мир. Именно, не отдельные предметы, а весь мир целиком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.